

PAVLENKO A. EMOTIONS AND MULTILINGUALISM.
CAMBRIDGE: CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2005. — 304
p. ISBN 0521843618 (Hardback); Price: £50.00 (US\$ 90.00)

Основную задачу книги А. Павленко видит в экспликации событий, происходящих на языковом и эмоциональном уровнях с точки зрения мультилингвистической перспективы (р. xii). Для этого А. Павленко рассматривает совокупность локальных исследований, выполненных в разных теоретических и дисциплинарных традициях: антропологические и этнографические исследования, семантика эмоций, элементы анализа дискурса, нейропсихологические подходы, социальный когнитивизм. Однако при всем многообразии подходов центральным связующим направлением в рецензируемой книге выступает когнитивизм как способ согласования вопросов сознания и языка в одну, желательно непротиворечивую, объяснительную схему. Автор также совмещает традиционные объективистские способы конституирования реальности, основанные на опросах, экспериментах и стандартизированных наблюдениях, с вставками из личной жизни, наблюдений коллег, создающих драматическое обрамление, казалось бы, сухих фактов и цифр.

Удивительно, что фактическая включенность любого современного человека в некоторое языковое разнообразие, присутствие в мире огромного количества носителей двух и более языковых реальностей, тенденции к росту языковой компетентности в неродных языках, вызванные различными факторами глобализирующихся обществ, — все это не мешает большинству лингвистов *de facto* рассматривать языковые реалии с узкой национальной монолингвистической перспективы. Именно этот странный и, казалось бы, необъяснимый факт абсолютной нечувствительности к важнейшей характеристике современного общества оказался для А. Павленко, пожалуй, последним стимулом для столь смелого и многообещающего проекта:

«Как аспирант лингвистического факультета Корнельского университета я потратила несколько лет на посещение занятий по синтаксису, семантике, фонологии и фонетике. В лучшем случае на этих занятиях рассматривались несколько языков с точки зрения монолингвистического повествования, в худшем — речь шла только об английском языке. <...> Некоторые из моих профессоров могут еще помнить мои дерзкие вопросы и нытье о возможности связать рассматриваемые темы со вторым языком и билингвизмом. Мой наставник, Джим Лантольф, поддерживал мои вопросы. Несколько других профессоров время от времени пытались ответить. Другие игнорировали мои вопросы. А один просто отругал меня. И тогда я поняла, возможно, это не его дело смотреть на все с точки зрения билингвизма. Это должна делать я, если выбираю такой путь» (р. xii).

Соглашаясь с упрощенной картиной мира, построенной на уходящих в прошлое концепциях одномерности социальных образований, исследователи рискуют получить (и получают) смещенные данные, интерпретации и теоретические заключения о языковых и социальных феноменах. Так, билингвизм приписывается людям, либо имеющим одинаковую компетентность в двух языках, либо ежедневно использующим неродной язык в обыденных коммуникациях. Вместе с тем понимание языковых норм, их релевантное применение зависит от конкретных ситуаций, собеседников, наконец, мотивов и целей общения (р. 6). Первый, родной язык может быть связан с личными

переживаниями, а второй — лишь с профессиональной занятостью. Однако, например, если сексуальным партнером становится носитель другого языка, личная эмоциональная жизнь начинает описываться первоначально чуждыми смысловыми конструкциями. Категоризация людей на билингвов или мультилингвов является неполной, а подчас и ошибочной, при игнорировании «комплиментарных принципов» (по А. Павленко) организации речи, то есть активизации наиболее релевантных языковых ресурсов: «...*Проходя социализацию в разных контекстах, бикультурные билингвы приобретают определенные стили аффективного поведения, различающиеся эмотивными репертуарами, принятыми в конкретных сообществах*» (р. 130-131). Следовательно, по меньшей мере некорректно говорить об однородной языковой компетентности или редуцировать свободное владение неродным языком до повседневных разговоров. Феномен многоязычия гораздо шире узкой дисциплинарной рамки, в которую его пытается заключить современная лингвистическая теория.

А. Павленко отмечает, что еще совсем недавно, в начале прошлого века, билингвизм рассматривался как проблема и патология, маргинальное состояние смешения культурных и языковых норм или «сдвиг идентичности» (р. 30), мешающий не только общению, но и самоидентификации, пониманию себя и окружающего мира: «...*билингвы — это люди с двумя конфликтующими личностями, которые постоянно испытывают ментальные и психологические проблемы*» (р. 24). Теперь мультилингвизм в широком понимании гораздо более емкое и распространенное понятие, нежели монолингвизм. Когда ученые приобретут устойчивую привычку объяснять монолингвистические особенности через различного рода мультиязыковые закономерности, можно будет говорить о действительном преодолении линейных языковых моделей, доминировавших в прошлых столетиях. Билингвы, эмигранты, вынужденные переселенцы — это лишь наиболее типичная и яркая среда многоязычия, дающая исследователю прекрасный материал для наблюдения.

Монография А. Павленко обрисовывает достаточно полную картину современного состояния междисциплинарных исследований экспрессивных компонентов языка. По-прежнему доминирует объективистский экспериментальный подход с установлением жестких, «как если бы» контролируемых условий искусственного воспроизводства речи. Такие исследовательские проекты в основном опираются на экспериментальные планы, привычные для психо- и социолингвистических исследований. Люди в них не общаются, а проходят ряд испытаний, демонстрируя те или иные реакции на стимулы, а потому и обозначаются не собеседниками, а испытуемыми. Они описывают впечатления от тех или иных высказываний, выступают стихийными лингвистами в толковании семантики знакомых (а подчас и совершенно незнакомых) по обыденным разговорам слов, оценивают по предлагаемым шкалам эмоциональные состояния говорящих или языковую компетентность других людей, в общем, ведут себя так, как им предписывает экспериментальный план. Беда только в том, что после обработки получаемых таким способом результатов так и остается непонятным, как и что говорит человек в привычном для него контексте [1, с. 133]. На этом фоне весьма сомнительны на протяжении десятилетий повторяемые опыты, основная цель которых — подтверждение тривиальных суждений. Например, А. Павленко приводит более десятка экспериментальных планов, проводившихся с 1961-го по 2001 год и направленных на тестирование гипотезы о

большей распознаваемости эмоций, выражаемых на родном языке (с. 58-61). Каждый новый эксперимент показывал значимое превышение правильного распознавания эмоций, выраженных другими людьми на родном для испытуемого языке. Однако всегда находились желающие его повторить, незначительно изменив детали экспериментального плана. Если отсутствуют критические, фальсифицирующие предыдущие опыты гипотезы, подобные действия не выходят за рамки гессевской игры в бисер, подкрепленной весомым авторитетом объективного научного знания.

А. Павленко сама приняла участие в воспроизводстве объективированного знания, поэкспериментировав со стандартизированным интернет-опросом. Пожалуй, не менее трети предлагаемых в нем вопросов содержат псевдопорядковые шкалы, поддерживающие иллюзорные представления о более точном математизированном знании. Часть индикаторов и вовсе рассчитаны на экспертное сообщество, а не на обычных, пусть и высокообразованных, носителей языка. Так, задавая вопрос *«Переходите ли Вы на другой язык в следующих случаях: когда общаетесь на нейтральные темы, когда говорите о личных вещах, когда говорите об эмоциональных вещах»* (р. 249), наивно полагать, что все опрашиваемые одинаково воспринимают такие общие категории, как «нейтральный», «личный» и «эмоциональный». Без такого допущения расчет процентных соотношений просто теряет смысл. Также непонятно, что собой представляет концепт «перехода» на другой язык, ведь автор сама фальсифицирует представления о линейном переключении (р. 127), следовательно, нет однозначного толкования изменения языка. Говорящие скорее мобилизуют наиболее релевантные языковые ресурсы, равноположенные в их ментальных схемах, нежели производят их последовательный выбор. Можем ли мы тогда предлагать респондентам вопрос, не решенный даже на концептуальном уровне? Я уже не говорю о том, что, кроме номинальных признаков, в вопрос включена дополнительная шкала, дифференцирующая возможный ответ на шесть категорий: «никогда», «редко», «иногда», «часто», «все время», «вопрос не ко мне», которая несет в себе ту же проблему одинакового восприятия категорий, усугубленную избыточным усложнением структуры вопроса.

Несмотря на констатацию доминирования жестких экспериментальных планов в социолингвистике, по всей книге рефреном проходит мысль о необходимости проведения исследований в естественной среде, без привнесения чуждых изучаемой реальности категорий и обобщающих понятий: *«По-прежнему остается вопрос, каким образом билингвы выражают эмоции в повседневном общении или в личных биографических нарративах»* (р. 129).

Антропологические исследования эмоций, разговорный анализ, изучение повседневных речевых взаимодействий определяется в книге в качестве наиболее перспективных направлений. Эмоциональные слова, представляют ли они вербальное выражение эмоций или являются эмоциями как таковыми (согласно теории речевых актов), принципиально отличаются от абстрактных понятий или наименований некоторых объектов (р. 237), а значит, должны изучаться в рамках иной концептуальной схемы. В описании дискурсивного уровня эмоций А. Павленко приводит три функции дискурса: референтную, социальную и аффективную (р. 115). В последней говорящие выражают свои эмоции, чувства. Подмена их самоописаниями и рефлексией

испытуемых, инициируемыми исследовательскими вопросами в рамках стандартизированных процедур, сдвигают исследователя к анализу референтной и когнитивной функций, тем самым отдаляя от выбранного предмета исследования — аффективной функции.

Стремление к надличностному знанию о социуме уже давно рассматриваются как пережиток позитивистского мышления. Однако включение в исследование личностного компонента при одновременном удовлетворении требований надежности и валидности собираемых данных и выводимых заключений по-прежнему остается отнюдь не тривиальной задачей. Подобные вопросы не решаются в одном поколении. Научные сотрудники, осознавшие и сформулировавшие их в течение последних двух столетий, так и не обнаружили надежных и устойчивых решений. Пока мы можем лишь констатировать, что безличностные формы научных описаний не только блокируют передачу знаний (что в большей степени связано с психологическими особенностями воспринимающего новую информацию субъекта), но и приводят к потерям значимой информации, не позволяющим выносить суждения о том, что действительно происходило в ходе исследования. Регулярные возвращения А. Павленко к личным переживаниям, проговаривание своей, казалось бы, частной судьбы, не столько связывает и репрезентирует данные, сколько определяет их ядерный центральный компонент — обязательную персонификацию исследовательской практики, личностный компонент знания. Размышления о русском языке, связанном с воспоминаниями о прошлом (р. 22), несколько строк о переключении с английского на русский в разговоре с сыном после его неудач в школе (р. 112) или глубоко трагичные слова прощания с близкими людьми (р. 228) лично мне говорят больше лекции экспериментальных планов, репрезентирующих языковые различия посредством дисперсионного анализа «как если бы» случайных ответов.

Описывая три типа познания — фокусное, периферийное и личностное, М. Полани отдает приоритет последнему, поскольку именно оно формирует научную картину мира, позволяет формулировать концептуальные определения, строить гипотезы. Обозначение проблем и нахождение инструментария для их разрешения (фокусное знание) и скрытые, неартикулированные навыки и умения (периферийное знание), возможны лишь на фундаменте персонального представления о мире. Только через провозглашение личных убеждений возможно достичь предельного уровня логических обоснований [2, с. 278]. Анализ эмоций немислим без эмоционального напряжения, без включения пусть даже объективистских экспериментальных планов в драматургию собственной жизни. Поступая таким образом, А. Павленко вызывает ответную реакцию, позволяющую читателю посмотреть на свое прошлое и настоящее, оценить и, если посчастливится, понять эмоциональный контекст собственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фрумкина Р.М.* Психология и лингвистика как контексты социального познания // Пути России: проблемы социального познания / Под общ. ред. Д.М. Рогозина. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2006. С. 128–144.
2. *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии: Пер. с англ. / Под общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова. М.: Прогресс, 1985.

Д.М. Рогозин,
кандидат социологических наук